

Россинская Светлана Владимировна,
заведующая библиотекой «Фолиант»
МУК «Тольяттинская библиотечная корпорация»

**Persona Nota: Альбрехт Дюрер, постигший красоту
(1471 -1528)**

*(Литературное расследование в библиотеке «Фолиант» МУК ТБК
к 540-летию со дня рождения немецкого художника)*

25 октября 2011 года в литературном клубе «Прикосновение» библиотеки «Фолиант» МУК ТБК состоится небольшое *литературное расследование «Меланхолия Альбрехта Дюрера»*, в ходе которого читатели вместе с библиотекарями попробуют прикоснуться к жизни и творчеству великого художника, жившего в Нюрберге на рубеже 15-16 веков. Посмотрят в альбомах репродукции его картин и гравюр, смогут взять на дом книги о нем. И попробуют понять, в чем волшебство живописи Альбрехта Дюрера? Почему в Германии его чтят как национального героя и называют немецким Леонардо?

Творческое наследие Дюрера огромно. Среди известных его произведений - около семидесяти картин, уникальная серия автопортретов, более четырехсот гравюр на дереве и меди, масса книжных иллюстраций, свыше тысячи рисунков, в том числе и акварелей.

Дюрер, кроме того, известен как выдающийся теоретик. Он написал три законченных трактата, сотни страниц остались в рукописях. Он - автор нескольких лирических и сатирических стихотворений.

Цитата:

«Эпоха около 1500 года была чрезвычайно обильна великими деятелями европейской культуры, главным образом в области искусства и религиозной мысли. Если в ходе истории появление выдающихся людей совпадает с зарёй нового мышления, перед глазами исследователей предстаёт поразительное зрелище.

Огромная внутренняя напряженность находит свое выражение в ослепительном созидании и катастрофическом распаде. Происходит борьба двух миров. Всё кажется неясным в двойственном свете сумерек и зари, сквозь который творческий дух отыскивает свой путь.

Таково было положение в Германии в конце пятнадцатого - начале шестнадцатого века. И, рождаясь из сумрака этой эпохи, почти как символ поднялась фигура крупнейшего немецкого художника Альбрехта Дюрера».

Так писал **Карель Ван Мандер** в 1604 году в своей книге «Жизнь замечательных нидерландских и немецких живописцев».

И верно, расцвет Северного Возрождения совпал с эпохой Дюрера. Соединив идеи Ренессанса, усвоенные им во время путешествий по Италии, с традициями средневековой германской культуры, Дюрер стал родоначальником самобытнейшего искусства.

Но и спустя 483 года после смерти художника у читателей и любителей живописи возникает масса вопросов, связанных с его именем.

Например, какие такие тайны в конце 15 века знали итальянские живописцы, о которых немцы и не слыхивали? Живопись - это ремесло? И если так, то чем отличается это занятие от сапожного, портняжного, оружейного или ювелирного?

Как правило, дело отца переходит по наследству к старшему сыну. Однако в семье нюрбергского ювелира **Альбрехта Дюрера** дело унаследовать должен был третий по счету ребенок, тоже **Альбрехт**, названный так в честь отца. Почему так получилось? И почему Альбрехт не захотел продолжать прибыльное семейное ремесло?

Почему картины, на которые другие художники тратили месяц, Альбрехт писал по полгоду?

...Сам венецианский дож, потрясенный мастерством, с которым Дюрер исполнил полотно «Праздник четок», предлагал ему поселиться в их городе навсегда, сулил почти невозможное: вступление в гильдию живописцев, да еще и жалованье от республики - 200 дукатов ежегодно. Почему же Альбрехт Дюрер отверг его милости?

Гравюры Дюрера гремели на всю Европу, он первым среди немецких гравюров начал ставить на своих работах личное клеймо. Чем его гравюры отличались от гравюр других мастеров? Зачем он ставил на них клеймо мастера, если штампованный оттиск гравюры совсем не то же самое, что написанная кистью картина?

Почему Альбрехт сам становился за пресс, когда начинал печать новой гравюры? Чем ему не угодило давно освоенное дерево? Зачем он принялся резать свои гравюры на меди? Ведь в Нюрнберге любой ремесленник в тот период знал: чтобы дело приносило прибыль, заниматься надо чем-то одним!

Отчего **Агнес**, жена Дюрера, не хотела переезжать в дом покойного астронома **Бернхарда Вальтера**, выставленный на продажу после его смерти, ведь больше всего она мечтала о собственном доме? Почему называла покойного хозяина дома чернокнижником?

Какие отношения связывали Альбрехта Дюрера с печатником **Антоном Кобергером**, ученым **Иоганном Мюллером** и крупнейшим в Нюрнберге библиофилом **Виллибальдом Пиркгеймером**?

И наконец, отчего Дюрер всегда пребывал в меланхолии, почему его душу никогда не покидала грызущая тоска? К какому недостижимому идеалу он стремился?

Попробуем разобраться и ответить на все эти вопросы.

Итак...

«Моя Агнес»

- Ну вот, дочка, это и есть твой будущий муж.

Бережно достав из деревянного ящика небольшой холст, купец **Ганс Фрей** выложил его на стол. О том, что жених для нее найден, отец сообщил Агнес несколько месяцев назад, сговорившись с золотых дел мастером **Альбрехтом Дюрером**. Ганс выбрал в зятя его старшего сына, носившего, как и отец, имя Альбрехт.

Почтенное семейство Дюреров в Нюрнберге знал всякий. Уроженцем города мастер Дюрер не был, но за сорок лет, прожитых здесь, заслужил уважение коллег и соседей. Как родного сына полюбил его **Иероним Холпер**, в мастерской которого он много лет проработал подмастерьем. Отдал ему в жены свою дочь Барбару, исхлопотал звание мастера, получить которое чужеземцу в Нюрнберге было непросто.

После смерти тестя Дюрер унаследовал его дело и трудился не покладая рук. Что же до Барбары, то она исправно рожала мужу детей. Да только на белом свете они, увы, не задерживались. Вот так и случилось, что Альбрехт-младший, родившийся в 1471 третьим по счету, оказался теперь старшим из детей. А кроме него из восемнадцати отпрысков остались в живых только два его брата - **Эндрис** и **Ганс**, но они пока еще совсем мальчишки.

- В доме мужа ты будешь жить привольно: других невесток у Дюреров в ближайшиe годы не появится. А там, глядишь, с божьей помощью обзаведется и собственным домом, - так сказал Агнес отец.

И покорная дочь не стала задавать лишних вопросов. Лишь попросила разрешения взглянуть на портрет жениха. Может, раньше она его и встречала, да только лица припомнить не могла. Когда Альбрехт отправился странствовать, Агнес была еще совсем девчонкой и заглядывалась больше на игрушки и сласти, чем на соседских парней.

Отец улыбнулся - исполнить ее желание нетрудно, ведь учился Альбрехт не наследному ремеслу ювелира, а живописи, а значит, на портрет ему и тратиться не придется. Спустя несколько недель вернувшиеся из Страсбурга купцы отдали Фрею посылку. И вот теперь портрет человека, с которым Агнес предстояло связать жизнь, лежал перед нею на столе.

Что ж, за такого жениха не стыдно будет перед подругами: красивое лицо, густые золотистые полосы, тонкие пальцы. Правда, взглянув на зажатую в правой руке жениха веточку чертополоха, Агнес ощутила в сердце болезненный укол. По немецкому поверью это растение считалось символом мужской верности. Уж не желает ли Альбрехт

намекнуть своей далекой невесте, что сердце его занято, и он уже поклялся в верности другой?

Но отец успокоил ее. Портрет ведь написан для Агнес? Значит, и чертополох для нее. Он ободряюще похлопал дочь по плечу. Все будет хорошо! Будет у нее трудолюбивый, благочестивый и рачительный муж.

Что ж, наверное, отец и в самом деле в это верил... Да и она верила, во всяком случае, в тот июльский день 1494 года, когда состоялась их свадьба. Вот только спустя годы от этой веры почти ничего не осталось....

А тогда, Альбрехт, на минутку забежавший обсудить предстоящую свадьбу, смущенно протянул ей листок, на котором она с восторгом и удивлением увидела свой портрет. Когда он только успел?! Кажется, она на мгновение присела у стола, а он несколько раз обмакнул перо в тушь... Но вышла Агнес как живая!

Рядом с портретом была надпись «*Моя Агнес*»... Жених из скромности не посмел произнести эти слова вслух.

А ведь и в самом деле уже на следующий день стала Агнес частью Альбрехта, как была прародительница Ева частью Адама. И стали делить они на двоих все, что выпало им в жизни...

Первые семейные разногласия

Год шел за годом, а в семье Агнес и Альбрехта не было слышно детских голосов. Поначалу Агнес пылко молилась, прося Бога о ребенке, потом, измученная косыми взглядами соседней и попреками свекрови, которая вечно жаловалась на то, что Ганс Фрей подsunул им порченую девку, потихоньку от домашних отправилась в старую хижину за городской стеной...

Набожные нюрнбержцы туда не ходили, считая, что ее хозяйка знает с дьяволом. Но раз Господь отказывается помочь, то может, сжалится над Агнес другая сила? Вот тогда-то старая знахарка и спросила ее о муже. Не бывал ли он в странствиях, в особенности за Альпами, в Италии или Франции? Не привез ли оттуда какую хворь?

Поначалу Агнес отнекивалась, говорила что лицом и телом Альбрехт чист. Но старуха настаивала: коварны дурные болезни, живут-де они в человеке годами, перво-наперво лишая несчастных потомства.

И Агнес, похолодев, и в самом деле припомнила слухи о «французской болезни», страшном недуге, которым поразил Господь армию короля Франции Карла VIII, осадившего Италию в 1494 году. В тот самый год, когда ее молодой муж искал секреты мастерства в этой трижды проклятой стране...

Никак не могла тогда Агнес взять в толк, зачем Альбрехт, вернувшийся из четырехлетних странствий, во время которых, изучая секреты граверного и печатного ремесла, он обошел пол-Германии и даже далекие Нидерланды, вновь торопится в путь.

Разве ему плохо с нею? Разве не страшно оставлять Агнес одну? Да и пускаться сейчас в путь неразумно: альпийские перевалы того и гляди накроет снегом.

Может, Альбрехт боится чумы, которая надвигается на Нюрнберг? Так ведь они могли бы вместе переждать опасность в глуши, в небольшом охотничьем домике ее отца. А потом, когда мор уйдет, Альбрехт откроет свою мастерскую, ведь все говорят, что при таких связях и таланте звание мастера он получит без труда.

Все слова были напрасны - муж стоял на своем:

- Ну, как ты не поймешь?! Если я не побываю в Италии, то никогда не стану настоящим мастером! О, тамошние живописцы знают такие тайны ремесла, о которых немцы и не слыхивали!

От мудреных иноземных имен, которыми сыпал муж, у Агнес начинала болеть голова, и она принималась плакать. Но слезы тоже не помогли: в начале сентября 1494 года Альбрехт ушел с купеческим караваном на юг.

Агнес же осталась ждать да слушать попреки Барбары, обвинявшей невестку в том, что она не смогла удержать молодого мужа возле себя. С тех пор так и повелось: что бы ни вытворял Альбрехт, у свекрови виновной всегда оказывалась Агнес...

Уж кто-кто, а Агнес по свекрови после ее смерти точно плакать не будет. Довольно та попортила ей крови.

После смерти отца Альбрехт из своих денег отдал старинный долг за родительский дом, за который Дюрер-старший так и не расплатился. Достаться дом по старшинству должен был ему, но Альбрехт заявил, что купит себе новый, а этот оставит Эндрису, чтобы тот продолжил наследное дело.

Агнес догадывалась, что и тут без Барбары не обошлось. После смерти мужа старуха все ныла, что дело покойного пойдет прахом. Вот Альбрехт и решил утешить мать, а заодно загладить свою вину за то, что сам когда-то не захотел учиться ремеслу ювелира.

Мальчик этот от Бога художник, а не ювелир...

Когда отец согласился отпустить его в учение к нюрбергскому живописцу **Михаэлю Вольгемуту**, Альбрехт был на седьмом небе от счастья. Редко отдавали ремесленники своих сыновей в чужие мастерские. Зачем платить кому-то, когда сам готов выучить сына ремеслу, которое его прокормит? Да к тому же будет, кому оставить в наследство мастерскую.

Но когда к мольбам Альбрехта присоединились настойчивые просьбы его крестного, печатника **Антоня Кобергера**, отец заколебался. А Кобергер, едва взглянув на нарисованный 13-летним крестником автопортрет, твердо заявил, что мальчик этот от Бога художник, а не ювелир. И старый Дюрер сдался.

Горячо Альбрехт тогда благодарил отца... Обещал стать лучшим художником в Нюрнберге, а, может, и во всей Германии. Ведь для этого только и нужно, что быть прилежным, прислушиваться к каждому слову мастера **Вольгемута**, да молиться Господу, чтобы тот даровал силы для праведных трудов.

Но месяцы шли, слагаясь в года, работы Альбрехта все чаще вызывали похвалу учителя, а сам он никак не мог избавиться от ощущения, что только вчера начал учение. Может, есть в ремесле живописца тайна, которая отличает это занятие от сапожного и портняжного, оружейного и ювелирного?

Мастер Вольгемут, с которым он поделился своим сомнением, укорил Альбрехта в гордыне. Уж не хочет ли он сказать, что живопись - это вовсе не ремесло? Но только семь занятий волей императора Священной римской империи имеют звание свободных искусств: грамматика, риторика, диалектика, арифметика, геометрия, музыка и астрономия. А раз живописи нет в их числе, то и искать в ней откровений не следует.

Так что пусть Альбрехт выбросит из головы лишние мысли и учится получше растирать краски, да покрепче держать штихель. И Альбрехт учился: до рези в глазах и кровавых мозолей.

Вот только ночью, стоило ему лишь добраться до своего тюфяка, его со всех сторон окружали волшебные сны. В них нарисованные фигуры вдруг обретали плоть и кровь, а в лицах людей, изображенных на портретах, начинала светиться бессмертная душа, дарованная им Господом.

И проснувшись, Альбрехт никак не мог поверить, что нет на свете секрета, который позволил бы ему сделать свои сны явью. Только вот где искать тот секрет? А главное, как объяснить близким, зачем он его ищет и почему не решается с благодарностью принять то, что уже имеет, и о чем многие в его возрасте только мечтают?

Вот и свекор скончался, значит, быть отныне Альбрехту - младшему единственным хозяином в доме, а Агнес - единственной хозяйкой...

По мнению жены, Альбрехту надо было бы побыстрее разделить имущество с матерью и братьями. Но муж ее что-то все тянул, отмалчивался, ссылаясь на то, что 18-летний Эндрис должен закончить учебу. А стоило тому вернуться домой, заявил огорошенной Агнес, что он снова уезжает в Италию.

Ох, и разыгрался же в доме скандал! Отец ходил мрачнее тучи, мать плакала, Агнес канючила, уткнувшись лицом в подушку...

С мыслью о призвании художника

А он не мог думать ни о чем другом, кроме как о мечте, захватившей его в свой коварный плен. Быстрокрылыми птицами полетели дни путешествия, и за горами, которые перевалил караван, вскоре открылась Альбрехту невиданная ранее страна и город, красивее которого, казалось, нет во всем свете - Венеция...

Как же случилось, что все, что дорого ему в жизни, так ненавистно Агнес? Она просто в ярость приходит при одном упоминании о Венеции. Может, прав был отец, и ему следовало отложить ту поездку? Думать больше о молодой жене, а не о собственных грезах?

Ну, да что теперь об этом размышлять... Сейчас Альбрехту было и смешно, и горько вспоминать ту наивную просьбу, с которой обратился он к Агнес, возвратясь из своего первого итальянского путешествия.

- *Позировать обнаженной? Лежать, развалясь, голой при дневном свете? Да ты с ума сошел! А до путешествия казался таким скромником...* - возмущалась Агнес.

Тщетно муж втолковывал ей, что в Италии многие жены художников позируют своим мужьям. Да и как иначе честному христианину постичь пропорции человеческого тела, без знания которых фигуры на картине навсегда так и останутся мертвыми?

- *Право же, никто никогда и не узнает, с кого рисовал я свои наброски,* - убеждал Альбрехт.

- *Как же! Не узнают... Да ни одна порядочная женщина в Нюрнберге не согласится показаться чужому мужчине в таком виде! А значит, все сразу поймут, что или мастер Дюрер уговорил за сходную цену какую-нибудь шлюху, или выставил на всеобщее позорище собственную жену. И какой из этих двух видов бесчестья мне предпочесть?*

Нет уж, выкинь эти глупости из головы навсегда! - так рассуждала Агнес.

Дюрер старался увлечь жену рассказами о прекрасном городе, в котором побывал. Взахлеб описывал великолепие венецианских дворцов, яркость тамошних нарядов и мастерство живописцев. Правда, наняться в учение ни к одному из них он так и не смог: венецианским мастерам запрещалось обучать иностранцев. Но он видел за работой лучших из лучших - неподражаемых братьев **Беллини**. Он сумел скопировать их картины и изучил в них каждый штрих.

Скоро, очень скоро он тоже сможет так рисовать! И тогда исполнится наконец его мечта: оживут его картины, как оживают они под кистью великих итальянцев...

Скандал в благородном семействе

Но Агнес не интересовали его мечты. Она хотела знать совсем другое. Когда Альбрехт собирается получить звание мастера?! Когда вместо никчемных странствий он займется почтенным делом? И когда, наконец, они купят собственный дом? Ведь Агнес до смерти надоели вечные наставления Барбары и постоянная помощь Альбрехта своим бездельникам-братцам, которые никак не научатся сами себя содержать.

Когда Альбрехт сообщил жене, что он присмотрел дом покойного астронома **Бернхарда Вальтера**, в семействе снова разразился скандал.

- *Ноги моей не будет в этом доме!* - запальчиво выкрикивала Агнес, и ее голос сорвался на визг. Так бывало всегда, когда Агнес злилась. И всякий раз, когда это случалось, Альбрехта Дюрера неприятно передергивало. Агнес же, видя это, раздражалась еще сильнее. - *Не желаю жить в доме этого чернокнижника!*

- *Глупости! Господин Вальтер не чернокнижник! Он ученый, астроном!*

Ученый! Так Агнес и поверила! Почему же на просторный дом покойного Вальтера, который вдова уступает по весьма сходной цене, за пять лет так никто и не

позарился? Да просто люди плохо думают об этом доме! И о его покойном хозяине тоже! Да разве почтенный человек станет ломать в своем доме стену только затем, чтобы просиживать ночи напролет у огромных окон, сделанных на месте пролома, да бесцельно таращиться в небо?

При жизни Бернхард Вальтер был купцом и вел выгодную торговлю. Вот только прибыль он пускал не на расширение дела, а на покупку книг по астрономии и математике да разных мудреных приборов для наблюдений за звездами. Чудак утверждал, что вести наблюдения ему завещал сам **Иоганн Мюллер**.

Если верить Альбрехту, так и Мюллер этот тоже был ученым, и столь просвещенным, что сам кардинал Виссарион Никейский почтительно просил его стать своим секретарем.

Да только Агнес слышала другое. Неизвестно зачем приехал в Нюрнберг этот Иоганн Мюллер, бог весть как втерся в доверие к Вальтеру, которого обещал научить понимать язык звезд. Научить! Как будто Вальтеру была нужда чему-то учиться! Смешно сказать!

Да Бернхарду Вальтеру к тому времени минуло сорок, и самую почитаемую в Нюрберге науку - как зарабатывать деньги - он знал лучше, чем сорок Мюллеров, вместе взятых!

Но этот чернокнижник как будто околдовал купца. Мало того, что он поселился в доме у Вальтера, который привечал его как дорогого гостя, так еще и заставил того купить типографию, чтобы печатать сочиненные им, Мюллером, книги.

Вальтер едва не разорился, да Господь сжалился над ним: в 1475 году Мюллер отправился в Рим, да и сгинул там. Поговаривали, что его отравили завистники, стремившиеся завладеть какими-то таинственными манускриптами.

- *Чернокнижник, истинно чернокнижник!*- так считала Агнес.

И ведь даже умерев, не отпустил Мюллер душу купца Вальтера на волю. Тридцать лет, до конца своей жизни, не отрывался тот от телескопа ни на одну ночь, и все чертил, чертил какие-то таблицы...

После смерти Вальтера его вдова поспешила выставить на продажу дом, в котором ее муж оборудовал свою обсерваторию. Мол, трудно ей на старости лет ухаживать за большим домом. Но кумушки на рынке шепнули Агнес, что она просто побаивается там жить.

Только муженьку Агнес разговоры добрых людей не указ. Куда важнее для него обещание Христины Вальтер продать тому, кто купит дом, любые книги из библиотеки мужа. За книги Альбрехт дьяволу душу заложит. И когда Вальтерша окончательно сбросила цену, он уж был тут как тут.

Ну, разве могла Агнес смолчать, узнав об этом? Ночью, в одиночку ворочаясь на широкой кровати, она никак не могла заснуть, одну за другой припоминая все обиды, что накопились за годы супружества. Не так представляла она себе свою жизнь с Альбрехтом Дюрером...

А как только Альбрехт сказал Агнес, что мать его тоже переедет с ними в новый дом, скандал наутро разразился такой, что прислуга и подмастерья попрятались кто куда. Все, что наболело, прокричала Агнес в лицо мужу! И дождалась: обозвав жену глупой гусыней, Альбрехт хлопнул дверью и отправился вон из дому, даже не сказав, куда идет.

«Прекрати немедленно позорную дружбу с этим нечестивцем!»

Только Агнес и так догадывалась, куда - как пить дать к **Виллибальду Пиркгеймеру!** Теперь до ночи будут бражничать.

В том, что вина за безвременную кончину прекрасной Кресценции, жены нюрбергского патриция Виллибальда Пиркгеймера, лежит на совести ее мужа, Агнес не сомневалась. Нет на свете женщины, способной вынести жизнь с этим самодуром и развратником!

Да, род Пиркгеймеров - один из самых старинных и благородных в Нюрберге. Вот только в Виллибальде родового благородства ни на грош! Одна спесь и гордыня! Вечно он с кем-то в ссоре, вечно чем-то недоволен. Даже малому городскому совету, в котором знатнейшие патриции испокон веку вершат судьбы Нюрберга, Виллибальд постоянно норовит перечить.

И угораздило же Альбрехта из всех именитых горожан выбрать в друзья именно этого нечестивца! Уж сколько раз просила Агнес мужа прекратить эту позорную дружбу! Но Альбрехт только кричал в ответ, что она не видит дальше своего носа, что Виллибальд - крупнейший в Нюрберге библиофил, лучший в городе знаток латыни, кладезь знаний и ума палата. А когда Агнес в ответ поджимала губы, обзывал ее глупой гусыней.

Послушать Альбрехта, так кроме глупостей, она сроду ничего не изрекала! И жгучая досада на мужа, этого самодовольного гордеца, вдруг окатывала Агнес с головы до пят. Да как он смеет так с нею говорить? Да ее доля в семейных доходах, может, даже больше его будет! Знала бы имя Дюрера вся Европа, если бы она не продала сотни его гравюр?

«Если речь идет о выгоде, на досужие разговоры нечего внимание обращать!»

Отец всегда говорил Агнес, что наследная купеческая сметка у нее в крови. И был прав! Стоило Альбрехту в 1495 году открыть наконец собственную мастерскую, как Агнес начала зорко присматриваться к его ремеслу.

А, присмотревшись, поняла, что гравюры - это золотое дно. Но не те, которые Альбрехт делает по заказу своего крестного **Кобергера** для иллюминирования книг, а те, что можно было продавать в розницу отдельными листами. Книги да картины - вещи дорогие. А купить гравюру, цена которой пара гульденов, может любой. И ведь оттисков с одной доски можно сделать целую кипу! Конечно, продать в Нюрнберге больше полусотни одинаковых гравюр не удастся. Так, значит, нужно добираться в другие города!

Поначалу Агнес пыталась нанимать для продажи гравюр странствующих купцов. Но потом поняла: доверить такое дело посторонним - значит погубить его. И взялась за торговлю сама. Сама упаковывала тюки, сама следила за погрузкой. Да еще и надумила мужа первым среди немецких граверов начать ставить на своих работах личное клеймо. Пусть каждый из листов, покинувших его мастерскую, несет с собой славу об имени мастера.

Косо посмотрели на это ремесленники Нюрберга - эдак скоро и портные станут клеймить свои кафтаны. Но Агнес стояла насмерть: если речь идет о выгоде, на досужие разговоры нечего внимание обращать.

Путь до Франкфурта был нелегок. Случалось и промокнуть до костей, и продрогнуть так, что зуб не попадал. А уж сколько страху натерпелась Агнес, когда однажды на берег Майна из лесу выскочила шайка разбойников! Купеческие караваны, идущие по суше, грабили что ни день. Да и на суда, ходившие по реке, случалось, нападали лихие люди... Однако пронесло.

Зато первая же поездка убедила Агнес, что затеянное ею предприятие стоило хлопот. Первым привез книги на Франкфуртскую ярмарку **Иоганн Гутенберг**. За ним потянулись и другие печатники: после изобретения Гутенбергом буквенного набора их ремесло шло вперед семимильными шагами.

И вот теперь, несколько десятилетий спустя, длиннющие книжные ряды кишмя кишели народом

...«Убиение св. Себастиана», «Мученичество св. Иоанна», «Страдания св. Екатерины», «Страсти Христовы» - едва Агнес появлялась с товаром, покупатели тянулись к ее палатке. А уж когда привезла она листы с *«Апокалипсисом»*...

По просьбе Виллибальда его отец, **Иоганн Пиркгеймер**, перевел, а заодно и подробно растолковал Альбрехту замысловатый латинский текст. И соединились в гравюре великое знание одного и великий дар другого.

С сомнением смотрели лучшие нюрбергские резчики на граверные доски, где штрихи шли не параллельно, как было принято до сих пор в деревянной гравюре, а в круговую. Отказывались братья за столь тонкую работу. И тогда Альбрехт, отчаявшись, сам достал штихель.

Великой силой сияли листы, отпечатанные с его досок. И впервые в жизни подумалось Агнес: уж не волшебник ли ее муж?!

Впрочем, оказалось, что и волшебники бывают глупцами. Муж заявил, что продавать «Апокалипсис» намерен только в переплете. Толковал что-то о полноте замысла. Но Агнес и слушать его не желала. Да ведь каждый из этих 15 листов можно будет продать втрое дороже, чем любую прежнюю гравюру Дюрера!

И скоро, сговорившись с Кобергером, в типографии которого печатался «Апокалипсис», она получила листы и для розничной продажи. И прогремели гравюры Дюрера на всю Европу. Одна к другой скапливались монеты в заветном кожаном мешке Агнес.

Виллибальд Альбрехту ничего нового, разумеется, не сказал, кроме того, что говорил уже тысячу раз: Агнес давно пора поставить на место. Пора с тех самых пор, как она отказалась дать Альбрехту денег на поездку в Венецию. Да где это видано, чтобы жена брала над мужем такую волю? И не разговорами следовало укорачивать Агнес, а хорошей затрещиной!

Да больно мягок у Альбрехта характер, чтобы как следует проучить жену. Он одолжил денег у Виллибальда и уехал тайком, дождаввшись, когда Агнес отправится на ярмарку. Ну, что ж, - считал Виллибальд, - теперь пусть пеняет на себя и терпит новые выходки вконец распоясавшейся жены.

Да дай Альбрехт Агнес волю, она сама станет за печатный пресс. Будет снимать оттиски до той поры, пока дерево не рассыплется в прах, а гравюры Дюрера, расплодившиеся как глиняные горшки, не наводнят города и страны.

Сколько раз он говорил ей, что истинные произведения мастера - это лишь первые пятьдесят-шестьдесят, от силы сотня копий. На остальных уже не та линия, не тот штрих... Как воевал он с Агнес за жалованье, которое платил своим подмастерьям сверх обычной нормы, объясняя, что его резчики не чета другим. Он сам обучал каждого из них и никогда не оставлял в одиночку нарезать доску: стоял рядом, следил и поправлял.

Ну, а уж почему Альбрехт сам становится за пресс, когда начинает печать новой гравюры, Агнес и вовсе не могла понять. Как не могла понять, чем не угодило мужу давно освоенное им дерево, и зачем принялся он резать свои гравюры и на меди тоже. Да ведь в Нюрнберге любой ремесленник знает: чтобы твое дело приносило прибыль, занимайся чем-то одним!

В городе нет других граверов, которые работали бы и с металлом, и с деревом. Ведь учить подмастерьев для этого нужно вдвое дольше, да и редкий из них может освоить сразу две такие разные науки: деревянную доску режут «к себе», а медную - «от себя», на деревянной следует сделать линии выпуклыми, а на медной наоборот - прорезать углубленные бороздки... Да и мало ли еще секретов...

Агнес никак не могла понять, почему картины, на которые **Вольгемут** потратил бы месяц, Альбрехт пишет по полгода. Почему уже второй год он не может закончить такой важный лично для нее заказ? Заказ сделал купец **Якоб Геллер**, давний приятель Ганса Фрея. Это у него в доме, приезжая во Франкфурт, останавливается Агнес. Только теперь между нею и Геллером черная кошка пробежала. И все потому, что Альбрехт непонятно чего хочет добиться от картины, которой и цена то сто гульденов!

Со звездами не спорят

Ну, как Дюреру объяснить Агнес, что не в цене дело? Не может он, Альбрехт Дюрер, променять на звонкие гульденны свои мечты, не хочет предать великое волшебство живописи, тайны которой он с таким трудом постигал в Венеции.

- Ну, вот и оставался бы там, подальше от этой ведьмы! - в сердцах сказал ему как-то его друг Виллибальд. Ведь сам венецианский додж, потрясенный мастерством, с которым Дюрер исполнил полотно *«Праздник четок»*, предлагал мастеру поселиться в их городе навсегда, сулил почти невозможное: вступление в гильдию живописцев, да еще и жалованье от республики - 200 дукатов ежегодно.

Почему же Альбрехт отверг его милости? А заодно и ту прекрасную незнакомку, которая таинственно улыбается с портрета, спрятанного в дальнем углу мастерской, подальше от глаз бдительной Агнес?

Никому, даже Виллибальду не назвал Альбрехт ее имени, но Пиркгеймер головой поручился бы, что была эта женщина для его друга не только моделью, но и возлюбленной. Так зачем же он от нее вернулся к своей Агнес?

Но Альбрехт в ответ только пожимал плечами. Он и сам не мог этого понять. Может быть, дело в гороскопе, что получил он одного астролога, их общего с Виллибальдом друга? Прост и прям был приговор звезд: Альбрехт Дюрер будет жить в достатке, станет великим художником и познает много женщин. Но жена так и останется у него одна...

Что ж, спорить со звездами он не решился.

Смутная тревога перед будущим никак не оставляла сердце художника. Может быть, в новом доме ждет его не дающееся в руки счастье? Может быть, там оставит его вечная тоска, не отпускающая душу, и погоне за недостижимым идеалом придет конец... А может быть, в новом доме появятся у них с Агнес дети, и все пойдет по-другому?

Через несколько дней семейство уже готовилось к переезду. Радостное беспокойство захватило Агнес против ее воли. Да будь, что будет! Разберется она, если нужно будет, и с привидениями. Вот тогда увидит, наконец, Альбрехт, что за сокровище его хлопотунья-жена...

В мае 1509 года сделка между Христиной Вальтер и Альбрехтом Дюрером была оформлена окончательно: мастер внес за свой новый дом 275 гульденов и обещал уплатить все связанные с ним долги.

В новом доме старая Барбара присмирела, предоставив невестке возможность устраивать новый дом на свой манер. Но и здесь никуда не ушла грызущая сердце Альбрехта тоска. Именно в этом доме он создал самую знаменитую и таинственную из своих гравюр - *«Меланхолию»*.

И детей супругам Дюрер господь так и не послал. До последнего надеялся Альбрехт, изобразивший однажды свою пятидесятилетнюю жену в образе Святой Анны, родившей в глубокой старости. До последнего надеялась и Агнес, заставившая мужа купить в Нидерландах аж четырнадцать кусков гваякового дерева, отвар которого, как она слышала, чудодейственно помогал от дурных болезней.

Это путешествие в Нидерланды стало единственным в жизни супругов, которое они предприняли вместе. Оно же стало для Дюрера и последним. Мастер так и не смог до конца оправиться от лихорадки, которую заполучил в сыром нидерландском климате. Больше он уже никогда надолго не покидал Нюрнберг.

Свою последнюю картину, названную *«Четыре апостола»*, он в 1526 году подарил родному городу. А с наступлением следующей зимы ослабевший Дюрер перестал даже выходить из дому. Несколько месяцев спустя, весной 1528 года, его похоронили на кладбище святого Иоанна.

«Все, что было смертного в Альбрехте Дюрере, покоится под этим холмом...»

Эта эпитафия стала последним приветом Дюреру от приятеля Виллибальда. Увы, выкупить архив друга Пиркгеймеру так и не удалось. Его унаследовала Агнес, равно как и внушительное состояние покойного. Одинокой вдове больше не было нужды путешествовать по ярмаркам. И она всецело посвятила себя тому, что считала самым главным долгом перед памятью мужа.

Агнес самолично разобрала все бумаги Альбрехта, из которых навсегда исчезли письма Пиркгеймера, заметки о так ненавистных ей итальянских путешествиях, а заодно и все рисунки, сделанные мастером с обнаженной натуры.

Теперь Агнес знала, что может умереть спокойно: она сделала для своего покойного супруга то, что так и не смогла сделать при его жизни - избавила Альбрехта Дюрера от всего, что было, по ее мнению, недостойно нюрнбергского ремесленника.

По прихоти судьбы муж, принесший Агнес столько огорчений, обессмертил ее имя. В доме, где скончался художник, теперь расположен музей, в котором экскурсоводом по залам стала сама «Агнес», а точнее актриса, воплощающая ее образ.

Звучит голос «Агнес» и из многочисленных «аудиогидов», рассказывающих на семи языках о великом Альбрехте Дюрере, гении Северного Возрождения.

Литература:

1. **Альбрехт Дюрер:** Альбом репродукций.- М.: изд-во "Унисерв", 1995.- 53 с.
2. **Варьяш А.** Меланхолия Альбрехта Дюрера/ Альбрехт Дюрер// Караван историй.- 2011.- №7.- Стр. 186-201.
3. **Дюрер**//Художественная галерея: Полное собрание работ всемирно известных художников. - 2005. - №27. -31 с.
4. **Мандер К.** Жизнеописание Альбрехта Дюрера, знаменитого живописца, гравера, архитектора из Нюрберга// Мандер К. Книга о художниках.- М.: Гос. изд-во "Искусство", 1940.